

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА, АДРЕСОВАННЫЕ ЖЕНЩИНАМ

Несмотря на то что в России XVIII в. в течение многих лет на троне были женщины, основная роль в общественной и культурной жизни принадлежала мужчинам, обладавшим большими правами и возможностями. Тем не менее в течение столетия росло число образованных женщин. Многие из них брались за перо, выступали в печати с переводами, а иногда и с оригинальными сочинениями.¹ Еще шире делался круг читательниц, причем некоторые из них стремились поощрить авторов к литературной деятельности, выступая в качестве меценатов.

Представление о русских меценатах XVIII в. связано прежде всего с именами государей — как императоров, так и императриц, а также приближенных ко двору вельмож, политических деятелей, военачальников, людей, занимавших различные государственные

¹ См.: Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн // *FrauenLiteraturGeschichte*. Bd. 9. Wilhelmshorst, 1998; Мы благодарны любезной сочинительнице...: Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн // Там же. Bd. 11. 1999; *Rossllyn W. Feats of Agreeable Usefulness: Translations by Russian Women. 1763–1825* // *Ibid*. Bd. 13. 2000; *Росслин В.* Женщины-переводчицы в России XVIII в. // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур*. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 14–15; *Пушкарёва Н.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012.

посты. В этой последней категории женщин быть не могло, так как они не служили. Вполне естественно поэтому, что большинство литературных посвящений было адресовано мужчинам. Понятное исключение составляют лишь дедикации, обращенные к императрицам, прежде всего к Екатерине II. Между тем последовательный просмотр русских изданий XVIII в. позволил выявить значительное число посвящений, обращенных к женщинам. Особую группу составляют галантные по преимуществу дедикации «прекрасному полу». Сравнительно немногочисленны персональные посвящения женщине-другу и возлюбленной. Основная же часть обращена к женщинам как ценительницам наук и искусств, покровительницам тех, кто занимается литературным трудом.

Совершенно особое место среди них занимает Екатерина Романовна Дашкова — женщина, широко образованная, обладавшая несомненными дарованиями и вместе с тем немалыми амбициями. Приняв участие в возведении на престол Екатерины II, Дашкова (урожденная Воронцова, 1743 или 1744–1810),² несмотря на всю сложность ее отношений с императрицей, сохраняла влияние при дворе, будучи статс-дамой. Но кроме того она со своими обширными познаниями и серьезным интересом к словесности уже с начала 1760-х гг. вызывала уважение в литературных кругах. Свой сборник «Новые оды», вышедший в июле 1762 г., почти сразу после воцарения Екатерины II, М. М. Херасков предварил стихотворным посвящением, но не государыне, а «Ее сиятельству княгине Екаторине Романовне Дашковой», содержавшем, в частности, следующие строки:

Ты ненависть сугубишь
К порокам без стихов,
Ты добродетель любишь,
Гоня ее врагов.

² Обширная литература, посвященная Дашковой, указана в работах: *Теплова В. А.* Дашкова Е. Р. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. А–И. Л., 1988. С. 243–247; *Смагина Г. И.* 1) О смысле слова «воспитание». Сочинения. Письма. Документы. СПб., 2001; 2) *Сподвижница великой Екатерины: Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екаторины Романовны Дашковой*. СПб., 2006; *Воронцов-Дашков А.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010.

Колико сердцу можно,
Являешь в ней плоды:
Тебе, тебе и должно
Принести мои труды.

Вспевая добродетель
И искренность сердец,
Я сделался свидетель
И их, и твой певец.³

Сборник открывался «Одой I. К своей лире», продолжавшей текст посвящения:

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.⁴

Посвящение в издании 1762 г. — важный факт в биографии как Хераскова, так и Дашковой. Это было одним из первых свидетельств того влияния, которое Дашкова приобрела на политической арене, и вместе с тем признанием ее авторитета в писательской среде. Примечательно, что Херасков обратился к ней не с традиционной похвальной одой, а стихами, предварившими «новые оды», новаторские и по форме, и по содержанию. Это были безрифменные стихи, не разделенные на строфы, преимущественно трех- или четырехстопные ямбы. Автор говорил о своем стремлении следовать не Гомеру, не Пиндару, не Малербу, но Анакреону и «приятному Сумарокову». Вместо «гремящей лиры» и «великолепного слога» поэт предпочитает «стихи любовные», воспевающие «чувства в нежном сердце», и дружеские послания, в которых автор непринужденно рассуждает о любви к наукам и добродетели. Посвящать

³ Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–5 нenum.

⁴ Там же. С. 1. Включив поздние стихи из этого сборника в свои «Творения» под рубрикой «Анакреонтические оды», Херасков снял посвящение. Комментируя текст оды, опубликованной в «Библиотеке поэта» по тексту «Творений», А. В. Западов считал, что «разумная россиянка» — это Е. В. Хераскова, жена поэта. См.: *Херасков М. М. Избранные произведения* / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. В. Западова. Л., 1961. С. 378 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). Между тем обращение к первому изданию показывает, что Херасков назвал именно Дашкову «разумной россиянкой».

такой сборник императрице было бы совершенно неуместно. Обращаясь к Дашковой, Херасков мог рассчитывать на ее поддержку. Но, главное, он обращался к ней как литератору, способному оценить его новаторство. Очень скоро их общественные позиции оказались различны, когда в 1763 г. Херасков стал издавать журнал «Свободные часы», а Дашкова — сотрудничать в «Невинном упражнении», отличавшемся большей независимостью.⁵ Тем не менее спустя много лет, в 1783 г., Херасков, тогда уже маститый писатель, принял участие в работе «Российской академии» по приглашению Дашковой и приветствовал ее стихами как «председательницу муз».⁶

Литературные интересы связывали Дашкову и с С. И. Глебовым, привлеченным ею к участию в «Невинном упражнении». Двухтомный перевод книги Плутарха «Житие славных в древности мужей» (1765) был осуществлен Глебовым при «ободрении» Дашковой, о чем свидетельствует посвящение ей, в котором, в частности, говорилось: «Вы, прилежа сами к учению и стараясь побудить к тому других, ободрили меня, милостивая государыня, к переводу сей полезной книги...».⁷ Глебов соблюдал весьма почтительный тон и официальный этикет, необходимый при обращении к статс-даме, однако в текст дедикации проникло и упоминание о дружеских отношениях адресата и переводчика.⁸

Другие достоинства Дашковой выдвигает на первый план преподаватель Славяно-греко-латинской академии А. Д. Байбаков,⁹ обучавший детей Екатерины Романовны закону Божию. В посвящении своего перевода сочинения Дж. Бона «Христианская философия...»

⁵ См.: *Серман И. З.* И. Ф. Богданович — журналист и критик // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 87–88.

⁶ *М. Х[ерасков]*. Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой. 1783 г. // *Собеседник любителей русского слова*. 1784. Ч. 6. С. 19–22. Текст стихотворения перепечатан в кн.: *Смагина Г. И.* О смысле слова «воспитание». С. 352–355.

⁷ *Житие славных в древности мужей*, писанное Плутархом / С французского на русский язык перевел Сергей Глебов. СПб., 1765. Т. 1. С. 5 нум.

⁸ См. подробнее: *Кочеткова Н. Д.* Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26.

⁹ См. о нем: *Степанов В. П.* Байбаков А. Д. (в монашестве — Аполлос) // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. А–И. С. 48–52.

(1774) он говорит о «философском духе» Дашковой, ее «христианской жизни» и «усердия к вере». Примечательно, однако, что во втором издании этого труда, появившемся в 1782 г. в университетской типографии Н. И. Новикова, Байбаков, уже давно принявший к тому времени монашеское имя Аполлос, не только снял посвящение Дашковой, но и заменил его стихотворным посвящением «Любезному Отечеству».

Неизменную благодарность Дашковой сохранял на протяжении всей жизни Н. П. Николев, ее воспитанник. Первый биограф писателя С. А. Маслов сообщал: «На 6-м году своего возраста обратил на себя особенное внимание княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая по родственному знакомству с его родителем выпросила сына на свое попечение».¹⁰ Благодаря покровительнице Николев получил хорошее образование, много читал, изучил французский и итальянский языки, познакомился с Паниными, И. И. Шуваловым и другими «знаменитыми современниками». Княгиня поощряла литературные занятия воспитанника, и вполне закономерно, что свою первую пьесу «Попытка не шутка, или Удачный опыт» (1774) шестнадцатилетний автор посвятил именно ей. Однако и обращение к адресату, и самый текст дедикации имели вполне официальный характер:

Ее сиятельству российского императорского двора штатс-даме,
ордена св. Екатерины кавалеру и Вольного российского собрания,
что в императорском московском университете члену,
милостивой государыне моей княгине Екатерине Романовне Дашковой

Сиятельнейшая княгиня! Милостивая государыня!

Ничто не может толико вкоренить в сердце благодарности, как благодеяния, от великодушия происходящие, и хотя прямой благодетель не требует оплаты за оказанное им добро, но взысканный оным должен его чувствовать и заслуживать непрерывным своим усердием. Сия-то отменная добродетель Вашего сиятельства возбуждает и во мне чувствование той благодарности, кою жаждущ я повсечасно свидетельствовать Вам за все Ваши ко мне милости, единым человеколюбивым душам приличные, и за которые, колико бы ни истощил я услугами сил моих, не возмогу отплатить достойно! ...¹¹

¹⁰ Маслов С. А. Краткая биография Н. П. Николева // Сын отечества. 1816. Ч. 28. № 12. С. 199.

¹¹ [Николев Н. П.]. Попытка не шутка, или Удачный опыт. Комедия в трех действиях, изданная Н. Н. [М.], 1774. С. 5 нenum. Это посвящение сохранено при перепечатке пьесы в «Российском феатре» (1790. Ч. 35. С. 105–182).

В последующие годы Николев неоднократно восхвалял Дашкову и посвятил ей одно из своих самых значительных произведений — «Лиро-дидактическое послание».¹² В обширных «Пополнительных примечаниях» к этому сочинению он писал: «Княгиня Дашкова не оставляет ни одного молодого человека, познав его дарование, чтоб благоприятством и покровительством не ободрить добрых его стремлений».¹³ Дашкова, со своей стороны, продолжала при возможности оказывать Николеву протекцию, как свидетельствует, в частности, ее письмо, в котором она называет себя давним его другом.¹⁴

После того как 24 января 1783 г. Дашкова была назначена директором Академии наук, стали появляться многочисленные посвящения, обращенные к ней. При официальном назывании адресата упоминается отныне не только о том, что Дашкова статс-дама и кавалер ордена святой Екатерины, но и о том, что она директор императорской Академии наук. По ее инициативе в Академию наук были присланы воспитанники Славяно-греко-латинской академии, среди которых находился и М. В. Цветихин.¹⁵ Изданный им в том же 1783 г. труд — перевод книги У. Хога «Священная сатира на суету мира...» — открывался посвящением Дашковой. Благодаря за «благоволение» своего «мудрого начальника», Цветихин восхвалял Дашкову в самых восторженных выражениях: «Слава, гремящая не только в пространной России, но и во окрестных народах о Вашей учености и ко всем, в науках упражняющимся, благоснисходительности, между прочими привлекла и меня под Твоим Минервиным покровом искать себе необуреваемого пристанища».¹⁶ Автор дедикации по-

¹² Впервые под названием «Лирическое послание»: Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 60. Июнь. С. 3–39. (Затем вошло в «Творения» Николева (М., 1796. Ч. 3)). Об этом сочинении см.: *Альциуллер М.* В тени Державина. Литературные портреты. Ермил Костров. Николай Семенович Смирнов. Николай Петрович Николев. СПб., 2014. С. 336–390.

¹³ Творении Николая Петровича Николева. М., 1796. Ч. 3. С. 188.

¹⁴ *Дашкова Е. Р.* Письмо к Н. П. Николеву // *Русская правда: Литературный альманах*. Киев, 1860. С. 72–73. Письмо не датировано, но его следует отнести ко времени фавора П. А. Зубова, упоминаемого Дашковой.

¹⁵ См. о нем: [Костин А. А.]. Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // *Von wenigen*. От немногих. СПб., 2008. С. 18–38.

¹⁶ [Хог У.]. Священная сатира на суету мира, или Екклезиаст премудрого пророка Соломона. Перевел с латинских стихов императорской Академии наук студент Михайло Цветихин. М., 1783. С. 3 нenum.

зволил себе уподобить княгиню Минерве, в то время как этот образ обычно возникал в панегириках, обращенных к Екатерине II. К этому же смелому приему прибегнул и П. А. Плавильщиков,¹⁷ «приписывая» Дашковой свой первый литературный труд — трагедию «Дружество» (1783). Начинаящий драматург писал: «Милостивейшая государыня! Ободренные Вашим покровительством Мусы признают с восторгом осеняющее их щедротами своими блаженство. Сама Минерва в Вашей особе открывает им путь к достижению совершенства знаний человеческих. Восхищаясь красотоми добродетельной души Вашей, дерзаю я посвятить сей первый опыт трудов моих в словесных науках Вашему сиятельству. Удостоите, милостивейшая государыня, благосклонным своим принятием ободрить робкую Мусу и позвольте мне прославить гремящее на Геликоне имя Ваше».¹⁸ Очевидно, Дашкова одобрила пьесу Плавильщикова, так как привлекла его к участию в издававшемся ею «Собеседнике любителей русского слова»: в части 6-й за 1783 г. был опубликован его сатирический этюд «Прогулка».

Самый факт издания «Собеседника» тотчас же получил отражение и в очередной дедикации. П. Ф. Мальтиц,¹⁹ посвящая Дашковой свой перевод комедии А. Пирона «Страсть к стихотворству» (1783), писал: «Ваше сиятельство как просвещенная любительница всех наук удостаиваете своим приемом отменно тех, кои в сочинении и переводах русского языка упражняются; Вы, зная его совершенно, стараетесь доставить ему ту высоту слога, которая ему свойственна и которая делает его способным ко всякого рода сочинениям. Вы, издавая Собеседника, опытом показали, сколь он изобилует, громок, приятен и важен».²⁰

В числе прочих к Дашковой обратился и будущий критик Н. М. Карамзина А. С. Шишков (1754–1841), выразивший надежду,

¹⁷ См. о нем: Кукушкина Е. Д. Плавильщиков П. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. С. 438–441.

¹⁸ Дружество, трагедия в пяти действиях Петра Плавильщикова. СПб., 1783. С. 5–6 нenum.

¹⁹ См. о нем: Немировский И. В. Мальтиц П. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 272.

²⁰ [Пирон А.]. Страсть к стихотворству. Комедия в пяти действиях. <...>. СПб., 1783. С. 5–6 нenum.

что его перевод сочинения И. Г. Кампе «Детская библиотека» (1783) получит одобрение «сиятельнейшей княгини». В дедикации Шишков характеризовал переведенную им книгу: «...она не заключает в себе ни глубокого учения, ни высоких замыслов, ни важных рассуждений, но простым и внятным слогом, забавляя, учит детей благонаравию».²¹ Представления Шишкова о «простоте и внятности» языка были, как известно, своеобразны. Тем не менее он охотно поддержал начинания Дашковой: принял участие в «Собеседнике», а затем стал членом основанной ею Российской академии. Именно ему суждено было стать впоследствии (с 1813 г.) президентом этой Академии.

Особого внимания заслуживает посвящение Дашковой, предпосланное Я. Б. Княжнинным (1740–1791) его трагедии «Рослав» (1784), изданной «иждивением сочинителя». Эта дедикация непосредственно связана с опубликованным в «Собеседнике» (1784. Ч. 11) его стихотворным «Письмом ее сиятельству княгине Е. Р. Дашковой. На день, в который Екатерина Вторая благоволила пролиять свою благость здешним музам учреждением Российской академии». Прославляя Екатерину II, поэт искусно использовал образ Минервы для восхваления не только императрицы, но и Дашковой:

Минервы нашей твердый щит
Вам явно в Дашковой открыт.

Завершалось стихотворение строками, непосредственно относящимися к Дашковой:

А ты, имея ум пространный,
Чувствительность и тонкий вкус,
Предстательница здешних муз,
Свершай тобою путь избранный.
Сей путь тебе принадлежит.
Хоть тяжек он, но полон славы;
Хоть злость невежества претит,
Но русской честь на нем державы.²²

²¹ [Кампе И. Г.]. Детская библиотека, издана на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г.***. СПб., 1783. Ч. 1. С. 5 нунум. Это же посвящение Е. Р. Дашковой вошло во 2-е (СПб., 1793) и 3-е издания (СПб., б. г.).

²² Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 11. С. 7–9. В последующих изданиях стихотворение печаталось под заглавием «К княгине Дашковой».

Текст посвящения «Росслава», включающий и прозу, и стихи, довольно обширен. Его можно рассматривать как отдельное произведение Княжнина, хотя и несомненно связанное с трагедией. К сожалению, в позднейших изданиях пьесы приводились (и то не всегда) лишь небольшие отрывки из этого текста, причем в комментариях. Посвятительное письмо, обращенное к Дашковой, — это замечательный в своем роде образец жанра. Во время написания пьесы Княжнин был уже не молод: пережитые испытания научили его мудрости, а многолетний литературный опыт позволял отточить слог, выгодно отличавшийся от шаблонных дедикаций начинающих авторов. Если в стихотворном «Письме», напечатанном в «Собеседнике», главным адресатом похвал была императрица, то в посвящении о ней даже не упоминалось, так же как и о том, что Дашкова — статс-дама ее императорского величества. Здесь был создан образ женщины — собрата по перу, истинной ценительницы прекрасного, «предстателя наук», радеющего о благе своей страны. Свободно и вместе с тем почтительно автор трагедии писал: «Просвещенному Вашего сиятельства разуму, который столько знаний объемлет; Вашему вкусу тонкому, нежному и разборчивому осмеливаюсь представить на суд моего сочинения трагедию Росслава. Я сего, может быть, никогда бы не отважился сделать, опасаясь быть помехою Ваших важнейших упражнений,

Но та, которая беседует с Невтоном,
Возвышенна достоинством своим
Быть средством меж наук и троном
И быть красою им,
Умеет и сама прельщать нас лирным тоном.

Остроумию Вашему все свойственно. Вы столько же легко мыслию протекаете пространства, Уранию измеренные, и проникаете в таинства природы, как пожинаете цветы парнасские. Таков и должен быть предстатель наук. Привязанность его вкуса к одному предмету оставляла бы все другие дарования в небрежении и при-

Письмо на случай открытия Академии российской», и строки, посвященные Дашковой, были опущены. См.: Кулакова Л. И. Примечания // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 748–749 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

вела бы их в оцепенелость. Но Вы изволите знать, сколько без изъятия все знанию нужны, Вам известно, что они непрерывной нитью взаимного союза сопряжены; что одно другое подкрепляет и украшает; Вам известно, что бы мудрствование было без слова, как и слово без мудрствования. А для того Вы ни самой малейшей части и в словесных науках не хотите оставить без внимания и ободрения таланта...».²³ Завершалось это посвяtitельное письмо словами: «Блажен, если сим моим слабым опытом подвигну я российских писателей, имеющих боле меня дарований, своими бессмертными сочинениями живых театральных картин наших истинных героев и благотворителей согражданам вводить во храм вечности, где вы без сомнения будете.

Милостивая государыня! Вашего сиятельства покорнейший слуга Яков Княжнин».²⁴

В ходе деятельного сотрудничества драматурга в «Собеседнике» и в работе над «Словарем Академии Российской» укреплялось взаимопонимание и, возможно, даже идейное сближение Княжнина и Дашковой. Она всячески старалась поддержать его в последние годы жизни, а после кончины драматурга напечатала в типографии Академии наук в 1793 г. его крамольную трагедию «Вадим Новгородский», что вызвало негодование Екатерины II.²⁵

Дашкова поддерживала постоянные контакты с издателями и книгопродавцами, о чем свидетельствует и адресованное ей посвящение Никиты Водопьянова в книге В. Дрекслера «Турецкий и сарацинский летописец» (1788), переведенной студентом И. Богомоловым. Никита Дмитриевич Водопьянов служил переплетчиком в Московском университете, занимался книготорговлей и издательской деятельностью. Ряд книг он издал «своим иждивением», в том числе, очевидно, и книгу Дрекслера. Водопьянов был тесно связан с Н. И. Новиковым и в связи с его политическим процессом даже

²³ Рослав, трагедия в стихах, в пяти действиях, сочинения Якова Княжнина, императорской Российской Академии члена. <...>. СПб., 1784. С. 3–4 нenum.

²⁴ Там же. С. 7 нenum.

²⁵ См.: Зайцева А. А. Иван Глазунов — издатель трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 54–66.

подвергся аресту в 1792 г.²⁶ Из текста его посвящения выясняется, что Дашкова в конце 1780-х годов оказала ему важную помощь. Водопьянов писал: «Тщетно было бы мое усилие, если бы я вознамерился искать способов, могущих довольно изъяснить сердечные мои чувствования, преисполненные к Вашему сиятельству моего глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности. Они столь же велики, как и Ваши благодеяния и милости, особенно мне оказанные, беспредельны. Сия книжка, Вашей особе мною посвящаемая, да будет хотя малым и слабым знаком чувствительнейшего благодарности возженного моего сердца, а Вам благоприятною жертвою...».²⁷

Сделавшись директором Академии наук, Дашкова стремилась привлечь тех ученых, которые хорошо зарекомендовали себя в научном мире. Принятый ею в качестве адъюнкта Никита Петрович Соколов (1748–1795), подвергавшийся гонениям со стороны ее предшественника С. Г. Домашнева, имел все основания для того, чтобы посвятить свой переводной труд княгине и благодарить ее за «милости и благодеяния».²⁸ В посвящении говорилось о тех реальных шагах, которые Дашкова предпринимала для улучшения деятельности Академии наук. В частности, здесь упоминалось о «публичных различных наук лекциях», для проведения которых был собран из академических доходов «нужный капитал».

П. И. Соколов (1764–1835),²⁹ назначенный Дашковой преподавателем академической гимназии, посвятил ей выполненный по ее же приказанию труд — «Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при императорской Академии наук юношества составленные» (1788). Автор благодарил княгиню

²⁶ См.: *Штрэнге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 127; *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 111.

²⁷ [Дрекслер В.]. Турецкий и сарацинский летописец Волфганга Дрехслера <...>. Перевел с латинского языка студент Иван Богомолов. М.: Типография при театре, 1788. С. 5–6 нenum.

²⁸ См. подробнее: *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 75–76. Здесь же (с. 330–331) опубликован текст посвящения Н. П. Соколова из кн.: [Эрксleben И. Х. П.]. Начальные основания химии <...>. СПб., 1788.

²⁹ См. о нем: *Лепехин М. П.* Соколов П. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. Р–Я. СПб., 2010. С. 147–150.

и за то, что по ее «благоволению» мог присутствовать на собраниях Академии и «заимствовать многое от бываемых во оной рассуждений».³⁰

Замечательным свидетельством забот Дашковой о русских ученых может служить посвящение ей адъюнкта Академии (с 1793 г. академика) минералога и химика В. М. Севергина (1765–1796) в его переводе книги И. М. Ренованца об Алтайских горах. Ученый писал: «...Вашим попечением посылаем я был в Германию для изучения минералогии. Первое мое старание по возвращении моем оттуда состояло в том, чтоб научиться познавать российские минералы, российские способы их добывания, приготовления и обрабатывания, кои все во многом разнятся от иностранных. <...> Ныне, предлагая перевод мой на рассмотрение Вашего сиятельства, дерзнул украсить оный именем Вашим яко особы, коея усердием я воспитан, наставлен, ободрен и ныне к продолжению наук моих ободряем».³¹

Среди привлеченных Дашковой иностранных ученых был и горный инженер, минералог, статистик Бенедикт Фридрих Иоганн Герман (1755–1815), ставший в 1790 г. ординарным академиком по минералогии Петербургской Академии наук.³² Свой труд «Естественная история меди...», изданный в русском переводе И. Гаврилова в 1791 г., Герман тоже посвящал Дашковой, благодаря ее за «благосклонное внимание» и «скорое повеление о напечатании сего сочинения». Он называл княгиню «знаменитейшей особой во всей Европе, покровительствующей и знающей цену всякого учения вообще, а наипаче минералогии».³³

Воспитанники Академической гимназии также обращались к Дашковой с благодарностью за покровительство и «первые начатки просвещения». И. И. Ливотов, осуществивший перевод книги В. Д. Купера «Сокращенная аглинская история...» (1790), писал в своем посвящении Дашковой: «И кому пожертвовать первым пло-

³⁰ См.: *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 86. Текст посвящения см. на с. 329.

³¹ *Ренованц И. М.* Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах <...>. СПб., 1792. С. 5–6 нenum.

³² *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 307.

³³ *Герман Б. Ф. И.* Естественная история меди <...>. С немецкого подлинника переведена студентом Ильею Гавриловым. СПб., 1791. С. 5, 7 нenum.

дом познаний в аглинском языке, как не той особе, которая рачительно рукою насаждены оногo семeна в Академическом училище?».³⁴ А. В. Гронский, деятельно сотрудничавший как переводчик в «Санкт-Петербургских ведомостях», перевел также «Логику» Э. Г. Кондильяка, упомянув в дедикации, что он выполнил этот труд по приказанию Дашковой.³⁵

От имени некоего «младого воспитанника наук», «пребывающего в северной армии», к Дашковой обращался также автор «Послания из царства мертвых от Карла XII к ныне владеющему Густаву III, королю шведскому» (1789). В прозаический текст этой дедикации были вставлены и стихотворные строки, в которых княгиня опять-таки уподоблялась Минерве:

Минервы шествуя стезями,
Златую лиру обрела.
И глас премудрости с струнами
Настрою, в тонкость привела.³⁶

Таким образом, Дашкова удостоивалась самых высоких похвал, что, вероятно, тоже не могло не усиливать тайного раздражения Екатерины II, недовольной слишком независимым поведением княгини.³⁷ Екатерина Романовна представала в посвящениях в нескольких ипостасях: и меценат, и наставник, и талантливый человек, посвятивший себя наукам и литературе. Многогранная деятельность Дашковой, ее организаторский дар, литературный вкус, умение ценить достоинства других людей, незаурядность самой ее личности — все это получало отражение в рассмотренных дедикациях. В этом отношении, как и во многих других, проявилась исключительность Дашковой.

³⁴ [Купер В. Д.]. Сокращенная аглинская история от древнейших до нынешних времен, сочиненная г. Купером по расположению графа Честерфилда <...>. Переведена с аглинского. СПб., 1790. С. 5 нeнум.

³⁵ [Кондильяк Э. Г. де]. Логика <...>. Переведено с французского. СПб., 1792. С. 5 нeнум.

³⁶ Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 34. Апрель. С. 43. «Послание» было напечатано затем в журнале «Беседующий гражданин» (1789. Ч. 3. Декабрь. С. 368–371). Об этом сочинении см.: Кукушкина Е. Д. Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 84.

³⁷ О своеобразном соперничестве двух Екатерин см. в настоящем сборнике статью А. Вачевой «Дворянский долг в мемуарах Е. Р. Дашковой» (С. 105).

Ни к одной другой женщине не было обращено так много посвящений. Но женщин, удостоившихся посвящений в русских изданиях XVIII в., было немало: таких адресатов насчитывается более ста. Среди них, разумеется, преобладали титулованные дамы: княгини и графини, супруги видных вельмож, политических деятелей и военачальников. Чаще всего эти обращения однократны. Однако были адресаты, к которым обращались с дедикациями и два, и более раз.

Особо выделяется Анна Родионовна (Иродионовна) Чернышева (1744–1830).³⁸ Ее отцом был генерал-майор Иродион Кондратьевич фон Ведель, матерью — Анастасия Богдановна (урожденная Пасек). Анна и ее младшая сестра Мария рано потеряли родителей и по удивительному стечению обстоятельств, получив покровительство императрицы Елизаветы Петровны, стали жить при ее дворе.³⁹ В 1762 г. Анна Родионовна стала фрейлиной; в 1773-м — статс-дамой; в 1797-м — награждена орденом святой Екатерины первой степени.

Когда ее муж граф З. Г. Чернышев в 1775 г. был назначен наместником Полоцкой и Могилевской губерний, правителем его канцелярии был С. И. Гамалея, а секретарем Ф. П. Ключарев.⁴⁰ По поручению графини Чернышевой Гамалея выполнил перевод сочинения И. Г. Эйзена «Легчайший способ прививания оспы...», изданный в 1776 г. и посвященный Анне Родионовне. Ей же Ключарев «приписал» одно из своих первых самых значительных произведений — трагедию «Владимир Великий» (1779). Эту дедикацию, конечно, можно рассматривать в ряду тех, которые обращались к жене или детям покровителя, под началом которого находился автор. Однако Гамалею и Ключарева связывали с Чернышевым не только служебные отношения, но и масонские интересы. В начале 1780-х гг.,

³⁸ См. о ней: *Корсаков В. Д.* Чернышева А. Р. // *Русский биографический словарь*. СПб., 1905. Т. Чаадаев–Швитков. С. 280–283.

³⁹ Связанная с этой историей легенда передана А. С. Пушкиным в заметке «Богородицыны дочки».

⁴⁰ О С. И. Гамалее и Ф. П. Ключареве см.: *Лихоткин Г. А.* Гамалея С. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. А–И. С. 194–195; *Кочеткова Н. Д.* Ключарев Ф. П. // Там же. Вып. 2. К–П. С. 67–70; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 219, 397.

с расцветом деятельности кружка Н. И. Новикова, эти связи стали особенно прочными. Будучи московским главнокомандующим, Чернышев всячески поддерживал участников новиковского кружка и даже был подписчиком на журнал «Утренний свет». ⁴¹ После смерти мужа (1784) его супруга продолжала оказывать им помощь, в частности, по свидетельству современника, Ключарев пользовался «покровительством и снабдением вдовствующей графини». ⁴² А. А. Прозоровский, один из главных преследователей московских масонов, доносил Екатерине II: «Графиня Чернышева, видя их благочестие, сильно им покровительствовала». ⁴³

Очевидно, Анна Родионовна приняла участие и в судьбе юных братьев Дмитрия и Павла Рахмановых, которые посвятили ей свой ученический перевод «Разговоры и комедии на французском и русском языках...» (1778), восхваляя «человеколюбивые и всему свету известные чувства» графини. Она была не чужда литературных и театральных интересов, о чем свидетельствуют и другие адресованные ей дедикации начала 1780-х гг. Крепостному литератору В. Г. Вороблевскому ⁴⁴ Чернышева «пожаловала» французскую партитуру лирической драмы М.-Ж. Седена «Беглый солдат». Публикация ее перевода, сделанного Вороблевским, открывалась посвящением графине, в котором, в частности, говорилось: «Всем известно Вашего сиятельства благосклонное вспомоществование и любление всякого знания наук...». ⁴⁵ П. И. Вельяшева-Волынцева ⁴⁶ «приписала» Чернышевой свой первый труд — перевод комедии Л. де Буасси «Французы в Лондоне» (1782), выражая благодарность «за милостивые <...> и снисходительные всем приемы». Ф. В. Генш ⁴⁷ предварил свой перевод текста оперы Ш.-Ж. Фенуйо

⁴¹ См.: Серков А. И. Русское масонство. С. 874–875.

⁴² Добрынин Г. И. Записки. 1752–1823. СПб., 1872. С. 266–267.

⁴³ Оснадцатый век: Исторический сборник. М., 1869. Кн. 2. С. 513. Доношение без даты.

⁴⁴ О нем см.: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 175–176.

⁴⁵ Седен М.-Ж. Беглый солдат. Лирическая драма. Переведена с французского Васильем Вороблевским. М., 1781. С. 5 нунум.

⁴⁶ См. о ней: Бельх Н. Н., Кочеткова Н. Д. Вельяшева-Волынцева П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 147.

⁴⁷ См. о нем: Кукушкина Е. Д. Генш Ф. В. // Там же. С. 195–196.

де Фальбера «Двое скупых» (1783) стихотворным посвящением Чернышевой:

Предстательница муз и песней их хвала,
Добротами души ТЫ в россах процвела,
Отличной быстротой и разумом сияешь
И кротость с важностью в себе соединяешь;
ТЫ любишь пению чистейших муз внимать,
Так удостой и сей незрелый плод принять.
Меня к сему влекут усердие нелестно
И слух доброт ТВОИХ, текущий повсеместно.
ТВОИМИ будучи лучами озарен,
К похвальным вновь трудам я буду ободрен.⁴⁸

Показательно, что обе эти книги с дедикациями Чернышевой были изданы «Иждивением Н. Новикова и компании». Неудивительно также, что после внезапной кончины З. Г. Чернышева в 1784 г., перевод книги Э. Юнга «Плач, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии <...>» (1785), осуществленный А. М. Кутузовым и изданный новиковской Типографической компанией в типографии И. В. Лопухина, издатели «всеусерднейше» посвятили А. Р. Чернышевой.⁴⁹

При всем свойственном ей благочестии характер Анны Родионовны был неуравновешен и противоречив. Ее камеристка Марья Фоминишна Переборенко рассказывала: «Вельможа настоящая, гордая, пышная и, ох — какая крутая да капризная. Все у нее выходило невзначай и временем: когда жалость, а когда и гроза. Часом, бывало, станет вдруг богомольна, милостива, обходительна, и тогда уж добрым делам конца и меры нет <...> всем-то помочь старается, благодетельствует, по церквам и монастырям деньги без счету сыплет; а в иное время, что чаще бывало, просто и приступу к ней нет, такова делалась грозна и капризна; всех-то она тиранит и в страхе держит; всякого, кто бы ни был, норовит обидеть».⁵⁰ Госпожа, узнав

⁴⁸ [Фенуйо де Фальбер Ш.-Ж.]. Опера, Двое скупых, в двух действиях, из сочинений г. Фальбера. Музыку сочинил г. Гретри. Переведена с французского имп. Московского университета студентом Федором Геншем. <...>. Иждивением Н. Новикова и Компании. М., 1783. С. 3 нenum.

⁴⁹ Это посвящение отсутствует в переиздании книги, осуществленном «иждивением» московского купца М. Глазунова: М.: Типография А. Решетникова, 1799.

⁵⁰ Корсаков В. Д. Чернышева А. Р. С. 280.

о намерении Марьи Фоминишны выйти замуж, сильно разгневалась и выдала ее за другого человека. Известен также случай, когда Чернышева, рассердившись на двух дворовых девочек, зимой отправила их на чердак, где они замерзли до смерти.

После кончины мужа ее образ жизни сильно изменился. Она поселилась в одном из своих могилевских имений в Чечерске, по-прежнему жертвовала большие суммы на церкви и монастыри. Хотя, по рассказам, Анна Родионовна не допускала в свой дом мужчин, по-видимому, ей продолжали передавать посвященные ей издания. Так, И. М. Кандорский «дедиковал» Чернышевой свой перевод с латинского книги «Душа, отрожденная благодатию Иисуса Христа» (1800). Свидетельством благотворительной деятельности графини стала книга Христиана Геберлейна «Самонужнейшая аптечка...» (1800), написанная по ее распоряжению. Посвящая Чернышевой свой труд, автор писал: «Исполняя лестное для меня препоручение Вашего сиятельства, чтобы собрать и составить самонужнейшую аптечку для пользования подвластных вам больных в учрежденных по деревням Вашим больницах, с присовокуплением наставления, как употреблять предписываемые в оной лекарства, я ласкаю себя приятною надеждою, что оная удостоится заслужить одобрение Вашего сиятельства».⁵¹

Сравнительно большое число посвящений, обращенных к А. Р. Чернышевой, объясняется несколькими обстоятельствами. Конечно, широкую известность получила ее склонность к благотворительности, для которой у нее были широкие возможности. Она была очень богата, пользовалась расположением царственных особ (Екатерина II, Павел Петрович и Мария Федоровна неоднократно посещали ее). Но особенно важен был ее интерес к литературе, желание содействовать писательской деятельности.

Это последнее обстоятельство играло, очевидно, главенствующую роль в дедикациях другим женщинам, не столь знатным, но более тесно связанным с литературными кругами. Среди них важное место принадлежит Елизавете Васильевне Херасковой (урожд-

⁵¹ [Геберлейн Х.]. Самонужнейшая аптечка с рецептами и наставлением, как употреблять предписываемые в оной лекарства, в пользу помещиков и жителей деревенских изданная. М., 1800. С. 5–6 нenum.

денной Нероновой, 1737–1809),⁵² супруге М. М. Хераскова, которая сама выступила на литературное поприще. Она стала одной из самых первых женщин, удостоившихся печатной дедикации: А. П. Сумароков посвятил ей свою басню «Лисица и Статуя» (1761).⁵³ Впоследствии Хераскова стала адресатом посвящений тех литераторов, которые были тесно связаны с Московским университетом, директором, а затем куратором которого стал ее муж. П. И. Страхов (1757–1813),⁵⁴ взятый Херасковым в секретари и сблизившийся с его семьей, посвятил Елизавете Васильевне свой первый перевод — книгу «Емилъ и София, или Хорошо воспитанные любовники. Из сочинений г. Руссо» (1779) и благодарил ее за «непрестанные благодеяния». Служивший в университете А. А. Артемьев⁵⁵ представил второе издание своего сборника переводных афоризмов «Душа добродетели...» (1782) следующей дедикацией: «Ее превосходителъству Елисавете Васильевне Херасковой, великодушием и добродетельми украшенной, сии слабые черты нравоучительных правил усерднейше посвящает Алексей Артемьев».⁵⁶ Коллективный труд университетских переводчиков «Новая тысяча и одна ночь. Сказки арабские. Перевод с французского» (1794. Ч. 1–8) тоже посвящался Херасковой «во изъявление глубочайшего почитания». К этому следует добавить посвятительное письмо, обращенное к ней же при переводе сочинения Ф. Фенелона «Святые размышления на каждый день», осуществленном И. П. Тургеневым, но оставшемся в рукописи.⁵⁷ Известно посвящение и другой поэтессе, княжне Екатерине Сергеевне Урусовой, которая была в родстве с Хе-

⁵² См. о ней: *Степанов В. П.* Хераскова Е. В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. Р–Я. С. 362–363.

⁵³ *Полезное увеселение*. 1761. Май. С. 161–162.

⁵⁴ См. о нем: *Костин А. А., Стенник Ю. В.* Страхов П. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. Р–Я. С. 169–172.

⁵⁵ См. о нем: *Фоменко И. Ю.* Артемьев А. А. // Там же. Вып. 1. А–И. С. 41–42.

⁵⁶ *Душа добродетели, или Правила нравоучения в пользу и научение юношества из древних и новейших мудрецов выбранные и на российский язык переведенные поручиком Алексеем Артемьевым*. 2-е изд. М., 1782. С. 3 нenum. Первое издание этой книги под названием «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила...» (СПб., 1777) было посвящено И. И. Мелиссино.

⁵⁷ Посвящение опубликовано в кн.: *Рыкова Е. К.* Творчество «второстепенных» писателей екатерининской эпохи. Иван Петрович Тургенев: Между классицизмом и романтизмом. Ульяновск, 2007. С. 143–144.

расковым и, очевидно, покровительствовала переводчику И. Я. Грешищеву, который и «приписал» ей свой перевод, называя ее «досточтимой любительницей муз и российской словесности» и выражая признательность «за благотворное расположение».⁵⁸

Дочь историка князя М. М. Щербатова княжна Ирина Михайловна (1757–1827), в 1775 г. ставшая женой М. Г. Спиридова,⁵⁹ тоже выступала покровительницей литераторов, как свидетельствуют посвященные ей книги анонимного переводчика (1777), Я. И. Благодарова (1786), Павла Гродницкого (1788).⁶⁰ Благодаров⁶¹ упоминал о ее благодеяниях, «многokrатно оказанных» ему. Д. П. Горчаков написал стихи И. М. Спиридовой как талантливой актрисе, выступавшей на домашнем театре: «На представление ее в Дидоне, трагедии г. Княжнина».⁶²

Ирина Яковлевна Хлебникова (1744–1812) не имела высоких титулов. Правда, ее муж, Петр Кириллович Хлебников (1734–1777), происходивший из купечества, владелец игольной фабрики, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Известность в литературном мире он получил как знаток и собиратель старинных рукописей и книг, а также как щедрый меценат, издавший ряд исторических сочинений за свой счет.⁶³ Судя по обращенным к ней дедикациям,

⁵⁸ [Лавалле Ж.]. Негр, или Черный, каких мало бывает белых <...>. Перевод с иностранного. М., 1797. Ч. 1. С. 3 нenum. О Е. С. Урусовой см.: Кочеткова Н. Д. Княжна Урусова и ее литературные собеседники // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 94–103. Об И. Я. Грешищеве см.: Лепехин М. П. Грешищев И. Я. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 228.

⁵⁹ О нем см.: Травников С. Н. Спиридов М. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 161–163.

⁶⁰ Легкомыслов, получивший здравый рассудок, отрывки ироид и стихотворение г. Аддисона на Ризвикский мир. Переведены на российский язык. СПб., 1777; [Благодаров Я. И.]. Матерьяная любовь. Комедия в одном действии. М., 1786; Неудачный опыт матерней строгости и несчастные следствия оной. Монастырская повесть. Перевод с немецкого П. Гродницкого. М., 1788. Ч. 1–2. Первая часть посвящена А. М. Щербатовой, вторая — И. М. Спиридовой.

⁶¹ О нем см.: Рак В. Д. Благодаров Я. И. // Словарь писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 92–94.

⁶² Друг просвещения. 1804. Май. С. 131.

⁶³ См.: Кочеткова Н. Д. Хвала любителю старины (Русские литераторы XVIII века о П. К. Хлебникове) // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 295–301.

Ирина Яковлевна, как и ее супруг, охотно помогала нечиновным людям, связанным с книгоиздательским делом. Так, наборщик академической типографии Василий Митропольский, посвящая ей изданную им книгу «Великопостный конфет, или Слово на вопрошение о смерти...» (1777), писал: «Благодарность за оказанные Вашим супругом и Вами милости побуждает меня посвятить сию издаваемую мною малую книжицу имени Вашему; уповая, хотя малым сим знаком оказать мою к дому Вашему благодарность».⁶⁴ Через десять лет после смерти Хлебникова появилась еще одна книга, посвященная его жене. Автором дедикации, подписавшимся инициалами «Г. С.», был некто «Гаврыла Соколов», как значится в надписи на экземпляре БАН.⁶⁵ Своим иждивением он напечатал сочинение «Зерцало вечности...» (1787). Восхваляя Ирину Яковлевну, он, как и многие другие литераторы, соотнес посвящение с содержанием изданного им сочинения: «...описанные в книге сей добродетели, за которые обещает Господь всем христианом вечное блаженство, в доме Вашем обитали и ныне обитают. Покойный сожитель Ваш, выключая прочие его добродетели, был милостив и щедр. Он за великое удовольствие почитал услужить великому, поддержать равного, помочь несчастному, призреть нищего; за что и заслужил любимое в старину, да и ныне с ненеудовольствием употребляемое имя *хлебосола*. Все сии добродетели в душе Вашей остались как бы наследственными. Кому и каких не делаете Вы благодеяний? В доме Вашем вдовица имеет прибежище, сирота — покров, нищий — пропитание, а всякий вообще — благосклонное слово и ласковый прием; и что сие истинно, в том торжественно могу засвидетельствоваться всеми теми, кто дом Ваш не токмо знает, но только даже слышал об нем. <...>».⁶⁶

В большинстве случаев, однако, при обращении с дедикациями к женщинам имело значение положение, влияние их супру-

⁶⁴ Великопостный конфет, или Слово на вопрошение о смерти <...>. С греческого на российский перевел С[тефан] П[исарев]. СПб., 1777. С. 5 нenum.

⁶⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1. А–И. С. 362.

⁶⁶ Зерцало вечности, или Рассуждения: 1) О смерти; 2) О последнем суде; 3) О адском мучении; и 4) О радости райской <...>. Переведена с латинского [П. Соловьевым]. СПб., 1787. С. 6–8 нenum.

гов. Показательно в этом отношении, что иногда при традиционном официальном назывании дамы-адресата упоминался ее муж, его чин и должность. Так, очевидно, для большей значимости, в своем посвящении обер-гофмейстерине графине А. К. Воронцовой священник Иоанн Иоаннов счел необходимым упомянуть о том, что она «покойного российского канцлера графа Михаила Иларионовича Воронцова супруга».⁶⁷ Переводчик Е. Харламов «дедиковал» свой труд «Ее превосходительству милостивой государыне моей Александре Ивановне, супруге господина генерал-майора и правителя Новгородского наместничества Петра Степановича Протасова».⁶⁸ И. Навроцкий посвящал составленную им «Новую полную поваренную книгу» (1780) «Его высокоблагородия господина полковника Федора Григорьевича Стрекалова супруге ее высокоблагородию милостивой государыне моей Наталье Андреевне».

Высокое общественное положение женщины, конечно, определялось прежде всего ее принадлежностью к знатному роду и той ролию, которую играл в политике и государственной жизни ее отец или муж. Правда, и у ряда женщин были свои придворные чины, своя иерархия: фрейлина, камер-фрейлина (или камер-юнгфера), гоф-фрейлина, статс-фрейлина, затем статс-дамы, действительные статс-дамы, наконец, гофмейстерины и обер-гофмейстерины. Однако среди адресатов посвящений этих женщин было сравнительно немного. Лишь одна из учтенных нами дедикаций была обращена к упоминавшейся уже обер-гофмейстерине Анне Карловне Воронцовой; одна — к гофмейстерине Елене Александровне Нарышкиной; несколько — к статс-дамам, камер-фрейлинам и фрейлинам.

Статс-дама Прасковья Александровна Брюс (урожденная Румянцева, 1729–1786), дочь генерал-аншефа графа А. И. Румянцева, родная сестра фельдмаршала П. А. Румянцева, жена московского главнокомандующего Я. А. Брюса, длительное время пользовалась большой доверенностью Екатерины II: императрица даже посвятила

⁶⁷ Христианин, пришлец земный <...>. С иностранного на российский язык переведено Тверской епархии Кашинского уезда села Кимры священником Иоанном Иоанновым 1769 года. СПб., 1771. С. 3 нenum.

⁶⁸ Новая сельская библиотека, или Отборные повести <...> переведенные с французского в остающееся от трудов по должности время в Нове-городе Е. Х[арламовым]. СПб., 1779. Т. 1. С. 3 нenum.

ей один из вариантов своих записок. Однако в 1779 г. П. А. Брюс была удалена от двора из-за сближения с одним из любимцев государыни и уехала на некоторое время за границу. Одно из известных нам посвящений Прасковье Александровне относится ко времени ее фавора: переводчик Алексей Леонтьевич (?) Лятошевич (род. 1743) преподнес ей в 1767 г. свой перевод повести «Жизнь добродетельной сицилианки, или Приключения маркизы Албелины». Другая дедикация П. А. Брюс появилась спустя много лет: в 1785 г. некий Л***** «приписал» ей сочиненную им драму «Цирцея и Улисс».

Фрейлине Елизавете Александровне Пальменбах (урожденной баронессе Черкасовой, 1761–1832), которая в 1797–1802 гг. была начальницей Воспитательного общества благородных девиц, М. А. Матинский, служивший тогда в этом обществе учителем,⁶⁹ посвятил изданное им в учебных целях «Сокращение всеобщей географии...» (1800). Это посвящение, в котором автор «с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью» благодарил за милости доброжелательную начальницу, было своего рода исключением среди дедикаций, обращенных к женщинам, как правило, не занимавшим никаких служебных постов (если, конечно, не считать Е. Р. Дашкову).

Большинство адресатов — это титулованные дамы: графини, княгини, княжны. К ним обычно обращались за покровительством или с благодарностью за полученные «милости». В своих посвящениях княгине Екатерине Петровне Барятинской переводчик И. Морков, а затем и переводчик А. М. Грибовский указывали также, что она — урожденная принцесса фон Голштейн-Бек.⁷⁰ Хотя она была в разводе с мужем, Екатерина Петровна пользовалась и влиянием при дворе, и уважением в обществе. И. М. Долгоруков, который в 1786 г. был милостиво принят ею и даже приглашен для участия в ее домашних спектаклях, вспоминал: «Между знатнейшими домами в Петербурге по рождению и богатству считался дом прин-

⁶⁹ См.: Кукушкина Е. Д. Матинский М. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 276–278.

⁷⁰ Обретенная дочь, или Отечественная склонность. Переведена с французского Иваном Морковым. М., 1782. Ч. 1; [Арно Ф.-Т.-М.]. Опасность городской жизни. Французская повесть. <...>. [Перевод А. М. Грибовского]. СПб., 1784.

цессы Голштенбековой <...>. Всякий почитал себе за особливую честь быть въезж в дом ее, потому что кроме титла своего она была дама почтенная, любезная, ко всем благоприветлива без гордости и чванства, вела себя со всеми ровно и довольно еще была молода, чтоб привлекать к себе всю молодежь городскую, однако в ее обществе был большой разбор в людях. Прием к ней был аттестат для молодого человека».⁷¹

Литераторам покровительствовали также супруги военачальников: генеральши, полковницы, бригадирши, несколько реже — жены чиновников. Нередко обращались к женам и дочерям знатных и влиятельных персон, например к жене и дочери генерал-прокурора князя А. А. Вяземского — княгине Елене Никитичне Вяземской (урожденной Трубецкой) и княжне Екатерине Александровне Вяземской. Николай Горчаков посвятил свой перевод сочинения К.-М. Виланда «Разговор Сократа с Тимоклеею о мнимой и истинной красоте...» (1795) дочери знаменитого полководца графа А. Г. Орлова-Чесменского Анне Алексеевне (1783–1848). Хотя ей было тогда всего двенадцать лет, переводчик выражал ей свои «живейшие чувствования благодарности и высокопочитания». Возможно, склонность к благотворению, которой графиня позднее прославилась, проявилась в ней уже в юные годы.

В текстах большинства посвящений выражалась благодарность за благодеяния, оказанные не только автору, но иногда и всей его семье, родителям, детям, сиротам и другим, нуждавшимся в помощи. Содержатель типографии Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса Христиан Фридрих Клеэн (ум. около 1784) предпослал одной из изданных им книг пространное посвяtitельное письмо, адресованное Марии Павловне Нарышкиной (урожденной Балк-Полевой, 1728–1793), жене генерал-аншефа С. К. Нарышкина. Здесь всячески прославлялась ее благотворительная деятельность: «Ваше высокопревосходительство покровительствуете несчастным и щедротами своими взыскуете благоурожденных и других, неимуществом отягощаемых отроковиц, облегчая, сколь возможно, горестный их жребий. Чем по справедливости заслуживаете истинную благодарность как от одолженниц, так и от тех,

⁷¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни <...>. СПб., 2004. Т. 1. С. 114.

кои ведают достославимыя добродетели сея цену».⁷² Переводчик Федор Бахтеяров, обращаясь к надворной советнице Екатерине Николаевне Вельяминовой-Зерновой (урожденной Рагозиной, 1763–1829), которая взяла под свое покровительство его дочерей, писал: «А особенные, скажу в частности, и прямо отеческие Ваши милости к моим С***, которых судьба определила быть Вашими... Милости, которыми оне, находясь при Вас, имеют счастье пользоваться, не налагают ли по справедливости на меня долгу и обязанности принести Вам чувствительную мою благодарность?»⁷³

В ряде посвящений подчеркивалась образованность женщин-адресатов. О «великой охоте к чтению книг» как о достойном качестве покровительницы говорилось в посвящении Я. П. Козельского гофмейстерине Елене Александровне Нарышкиной (1765);⁷⁴ А. И. Голицына — в посвящении графине Настасье Степановне Головиной (урожденной Лопухиной, 1725–1799), «тайной советнице и камергерше» (1782);⁷⁵ Дмитрия Орлова — в посвящении графине Екатерине Владимировне Апраксиной (урожденной Голицыной, 1768–1854).⁷⁶ О «рчении к наукам» некоей благодетельницы, имя которой не было названо полностью («Письмо переводчиков к Д... М... В... Ш... Н... К... и П...»), упоминал литератор, скрывший и свое имя за инициалами «А... М...» (1780).⁷⁷ Некий «Н. П.», не называя имени и своей благодетельницы, в посвящении ей писал: «Беспримерная в Вас охота в упражнении чтения, примеченная мною из долговременного с Вами обращения, побудила меня <...> поднести Вам начальных трудов своих перевод сей повести».⁷⁸

⁷² [Мармонтель Ж.-Ф.]. Повесть двух несчастных женщин. Переведена с французского. Печатана <...> на иждивении содержателя Х. Ф. Клезна. СПб., 1777. С. 5 нenum.

⁷³ Зерцало женской древней учености, или Описание жизни древних философок. Перевод с французского. М., 1800. С. 5–6 нenum.

⁷⁴ [Верто д'Обеф Р.]. История о переменах, происходивших в Швеции <...>. СПб., 1765. Ч. 2. С. 5 нenum.

⁷⁵ [Нугаре П.-Ж.-Б.]. Картина глупостей нынешнего века или страстей различного возраста. М., 1782. С. 5 нenum.

⁷⁶ Осторожность прекрасного пола. Нравоучительная повесть. Перевод с французского [Д. Орлова]. М., 1792. С. 6 нenum.

⁷⁷ [Онийон П.-Ш.-Ф.]. Сила воспитания. Переведена с французского языка А. М. [СПб.], 1780. С. 3 нenum.

⁷⁸ [Комон де Ла Форс Ш. Р. де]. Тщетные в любви происки Гейнриха IV, короля Кастильского. Переведены с французского языка Н. П. СПб., 1781. С. 3 нenum.

Иногда авторы или переводчики благодарили за участие в судьбе их труда. Так, И. Г. Туманский предварил свой перевод книги Ф. Фенелона «О воспитании девиц» (1774) «Письмом к госпоже ***», в котором упоминал, что перевел это сочинение по ее желанию, заметив: «Ничем лучше не можем мы доказать разумным и добродетельным людям нашего почтения, как исполнением их желаний».⁷⁹ П. И. Сумароков дважды обращался с посвящениями к княгине Варваре Васильевне Голицыной (урожденной Энгельгард, 1752–1815).⁸⁰ Перевод повести С. Ф. Жанлис «Аделия и Теодор, или Письма о воспитании» (1791) он посвятил ей как «почтенной благотворительнице». Свою книгу «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году...» (1800) Сумароков начинал не обычными формулами изъявления благодарности, но следующим признанием: «Я много в свой век писал, но не для потомства, мараения мои или сожигались, или валялись в пыли за сундуками. Не миновать бы и этой книге того же жребия, когда бы почитаемая мною особа не побудила меня ее напечатать».⁸¹ Поддержку и своего рода защиту от нападков строгих критиков драматург В. К. Колычев стремился найти у княжны Варвары Ивановны Кольцовой-Масальской, которой он «дедиковал» сборник своих пьес «Театр В. К.» (1781). Восхваляя ее «непредубежденный нрав», автор писал: «Вы любите словесные знания и чувствуете, сколь занимают они душу нашу и понуждают ее к движению. Сие приобретает вам право оценивать произведения ума в сем роде; но ваш вкус и душа нежная удалены от той строгости, которую оказывая, не различают приемлемой вольности от погрешностей».⁸²

⁷⁹ О воспитании девиц, сочинение господина Фенелона, с французского переводил Иван Туманский. 2-е изд. СПб., 1774. С. 3 нenum. В 1-м изд. (СПб., 1763) посвящения не было; в 3-м изд. (М., 1788) оно сохранено. Об И. Г. Туманском см.: Алексеева Н. Ю., Кулябко Е. С. Туманский И. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 279–280.

⁸⁰ О ней см.: Кочеткова Н. Д. Семейные посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 174–177.

⁸¹ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году <...>. М., 1800. С. 1 об.

⁸² [Колычев В. К.]. Театр В. К. М., 1781. С. 5–6.

Посвящая свои труды покровительницам, многие литераторы восхваляли такие их добродетели, как «благочестие», «благоразумие», «благонравие», «благоволение», «врожденное милосердие» и другие подобные качества. М. В. Веревкин обращался к фрейлине графине Марье Родионовне Паниной (урожденной Ведель, 1746–1775),⁸³ жене П. И. Панина и родной сестре А. Р. Чернышевой, с надеждой, что она оценит нравственное содержание его пьесы «Имянинники» (1774), в которой изображены «добродетели, толико Вам любезные, толико Вами хранимые», и пороки, «в нежной и сострадательной Вашей душе производящие отвращение, смешанное с жалостью над развращенностью порочных сердец».⁸⁴ Посвящая свой перевод сочинения армянского историка Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского, V в.) «Плач о Армении» (1786) Екатерине Ивановне Лазаревой (1750–1819), жене действительного статского советника И. Л. Лазарева, В. Ваганов писал: «...ласкаюсь я надеждою, что он <перевод. — Н. К.> вам понравится, потому особливо, что вы, имея душу кроткую, сердце снисходительное и от природы расположенное к состраданию, найдете в ней описания человеческих несчастий, достойные вашей чувствительности, соболезнования и пролития слез...».⁸⁵

Обращаясь к молодым знатым дамам, литераторы старались упомянуть об их красоте и «цветущей юности». В 1779 г. анонимные переводчики книги С.-Ф. Жанлис «Театр для пользы юношества» обращались к княжне Варваре Николаевне Голицыной (в замужестве Головиной, 1766–1821): «Ваша цветущая юность, рождающиеся Ваши качества, кроткие и приятные Ваши нравы, все сие произвело желание в переводчиках нового и полезного юношеству сего сочинения Вашему сиятельству приписать оное».⁸⁶ Переводчик Н. Яценков сходным образом восхвалял княжну Анну Алекс-

⁸³ См. о ней: «Теперь скажу Вам о себе». Письма графини М. Р. Паниной графу Н. И. Панину. 1769–1771 гг. / Публ. М. В. Бабич // Исторический архив, 1993. № 3. С. 165–175.

⁸⁴ [Веревкин М. В.]. Имянинники. Комедия в пяти действиях. М., 1774. С. 5–6 нenum.

⁸⁵ [Мовсес Хоренаци]. Плач о Армении. <...> Перевел с арменского на российский язык В[арлаам] В[аганов]. СПб., 1786. С. 5 нenum.

⁸⁶ [Жанлис С.-Ф.]. Театр для пользы юношества. Перевод с французского языка. М., 1779. № 1. С. 5 нenum. Это же посвящение помещено в переиздании (М., 1780).

евну Волконскую (1770–1859): «Кроткие и приятные Ваши нравы, изящные качества, украшающие цветущую Вашу юность; редкие добродетели, сродные благородной Вашей душе; а паче всего, та благосклонность, которою давно я имею счастье пользоваться, произвели во мне желание приписать в знак наичувствительнейшей моей благодарности сей перевод имени Вашего сиятельства». ⁸⁷

В посвящениях женщинам семейным отмечались их заслуги в воспитании детей, причем эти дедикации сопровождали переводы соответствующих по своему содержанию сочинений. Так, Иван Харламов, переводчик книги М. Лепренс де Бомон «Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры...» (1774), «приписывая» свой труд «ее высокоблагородию» Анисье Ивановне Перепечиной, писал: «...перевод оныя тем с большею благопристойностию смею посвятить Вашему имени, чем искуснейшею судиею науки воспитания детей Вас признаю <...>». ⁸⁸ Василий Борисов обращался к Наталье Федотовне Плещеевой (урожденной Веригиной, 1768–1855), супруге действительного тайного советника С. И. Плещеева, мореплавателя и литератора, ⁸⁹ со словами: «Кому приличнее могу я поднести сей опыт трудов моих, как не Вам, которые поставляете себе не только долгом, но и приятнейшим удовольствием заниматься воспитанием детей; как не Вам, беспрестанно оказывающим мне милости?» ⁹⁰

Надеясь угодить интересам своих покровительниц, некоторые литераторы посвящали им книги по медицине или кулинарии. Кодрат Муковников, студент Медицинского факультета Московского университета, поднес Екатерине Александровне Бибиковой (ум. 1833), супруге генерал-майора Г. И. Бибикова, свой перевод книги «Дамский врач...» (1793); П. Яковлев — княгине Варваре Васильевне

⁸⁷ [Флориан Ж.-П.-К.]. Новости, греческая, испанская и португальская, сочинение г. Флориана. Перевел с французского Николай Яценков. М., 1789. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁸⁸ [Лепренс де Бомон М.]. Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами <...>. М., 1774. Т. 1. С. 7–8 нenum.

⁸⁹ О нем см.: Лепехин М. П. Плещеев С. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 441–444.

⁹⁰ Новейшее физическое воспитание детей. Перевод [В. Борисова]. М., 1800. С. 5 нenum.

Голицыной книгу «О сохранении и продолжении здоровья состарившихся людей, по правилам диетическим» (1792); И. Навроцкий — полковнице Наталье Андреевне Стрекаловой «Новую полную поваренную книгу...» (1780), а С. В. Друковцев,⁹¹ автор «Поваренных записок» (1779), обращался с пространным посвятителем к «высокоблагородной и высокопочтенной госпоже» Наталье Михайловне Хрущовой.

Сравнительно немногочисленны, но очень интересны посвящения женщинам — участницам театральных представлений. Своего рода предшественником этой традиции можно считать А. П. Сумарокова, обращавшегося в 1774 г. со стихами к Е. И. Нелидовой и Н. С. Борщовой (Барщовой), участницам спектакля, разыгранного воспитанницами Общества благородных девиц. По типу этих стихов «на случай» вскоре появились посвящения, предшествовавшие изданиям пьес. Н. П. Николев предварил публикацию своей комедии «Испытанное постоянство» (1776) стихотворной дедикацией юной княжне Варваре Петровне Волконской (ум. 1830), дочери князя П. М. Волконского, которая постоянно участвовала в «кавалерских» спектаклях. Драматург, благодарный ей за то, что она «украсила своей игрой» его пьесу, писал:

...Я много раз тебя во действии видал
И всякий раз в тебе дар новый открывал:
Иль чувство нежное, или веселость нрава;
Для зрителей была ты слезы и забава:
Одним брала во плен сердца, другим — умы,
Движенью твоему подвластны были мы
<...>⁹²

Позднее, в 1797 г., с Волконскими познакомился И. М. Долгоруков. Он стал постоянным гостем в их подмосковном имении и участником продолжавшихся домашних спектаклей. По его признанию, он был так очарован Варварой Петровной, что «в двух вер-

⁹¹ О нем см.: Пухов В. В. Друковцев С. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 288–289.

⁹² [Николев Н. П.]. Испытанное постоянство, комедия в одно действие Н. Н. представлена в первый раз благородным обществом в доме князя Петра Михайловича Волконского 1776 году. [М., 1776]. С. 3 нenum.

стах от нее не мог быть ни счастлив, ни спокоен».⁹³ Позднее он вспоминал: «Достоинства княжны, острый ум, познания — все меня в ней пленило».⁹⁴ Она стала предметом его страсти, длившейся около десяти лет, и адресатом ряда стихотворений.

Некоторые актрисы, как и актеры, недворянского происхождения, игравшие на сцене публичного театра и пользовавшиеся большим успехом, тоже становились адресатами посвящений. Так, А. Ф. Малиновский,⁹⁵ переводивший пьесы для Московского публичного театра, предварил издание своего перевода трагедии Ф. В. Циглера «Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения...» (1794) стихами, обращенными к Марье Степановне Синявской (1742 или 1762–1829), игравшей заглавную роль:

Эйлалия славна на сцене здесь тобой,
Природною твоей в искусстве простотой,
С какой ты страсти все изображать умеешь,
Сердцами зрителей колеблешь и владеешь. —
Вкус правильный ввела в Париже Лекуврер,
А ты оставишь здесь своей игры пример:
В сильнейших как страстях одушевляться чувством,
Как и в безмолвии пленять партер искусством,
Как свойство роли вдруг со входом знать давать
И как во всей связи ту роль образовать. —
В ком истинный талант, всех тех я почитаю,
Эйлалию тебе с сим чувством посвящаю.⁹⁶

Характерно, правда, что Малиновский издал свой перевод анонимно, а посвящение подписал только инициалами «А. М.». Еще более законспирировано было посвящение некоей переводчицы

⁹³ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 516. См. также по именному указателю.

⁹⁴ Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Издание подгот. В. И. Корвин. М., 1997. С. 208.

⁹⁵ О нем см.: Долгова С. Р. Малиновский А. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 269–271. Перевод пьесы А. Ф. Ф. Коцебу «Бедность и благородство души» в 1798 г. Малиновский посвятил актеру В. П. Померанцеву.

⁹⁶ [Циглер Ф. В.]. Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения <...>. В первый раз представлена на Московском публичном театре 15 января 1794 года. М., 1796. С. 3 нenum.

пьесы под названием «Трактир. Комедия, или Питейный дом, веселое игрище» (1777). На титульном листе указывалось: «Переводила на российский язык девица NN, пребывающая в одном из украинских городов, где и комедия сия на тамошнем феатре несколько раз представлена была». Тексту предшествовала дедикация: «Императорского российского феатра госпоже актрисе Прасковье Тимофеевне Софроновой приносится от переводчицы». «Девица NN» проявила достаточно смелости не только в выборе пьесы для перевода, но и в решении посвятить свой труд актрисе. Значительно позднее, в 1816 г., Д. И. Вельяшев-Волынцев⁹⁷ издал свой перевод первой части «Сочинений» А. В. Иффланда с посвящением «первейшей российской актрисе Катерине Семеновне Семеновой в знак душевного уважения к превосходным ее дарованиям», но без всякой подписи.

Посвящения актрисам, которых стали восхвалять не за покровительство, а за их дарования, были сравнительно редки. Но и роль женщины-мецената была новым и важным явлением в общественной и культурной жизни России XVIII в. Обращенные к ним посвящения, конечно, строились в основном по тем же правилам жанра, что и дедикации меценатам-мужчинам. Здесь часто использовались те же принятые формулы и в назывании адресата, и в уверениях в своей преданности при подписи, и в выражении благодарности за благодеяния. Однако содержание похвал достаточно широко варьировалось.

Особый интерес представляет посвящение М. И. Прокудина⁹⁸ княгине Варваре Александровне Шаховской (урожденной баронессе Строгановой, 1748–1823), предваряющее его комедию «Судьба деревенская» (1782). Следуя довольно распространенной традиции, автор начинает дедикацию с обращения к древним временам, но примером для него служит напоминание не о традиции благодарить за благодеяние, а о замечательных женщинах прошлого: «Великие таланты во всех временах и во всяком веке царствовали, также и в женском поле. Рим, Лакедемон, Афины гордились великими

⁹⁷ О нем см.: *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Вельяшев-Волынцев Д. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. А–И. С. 144–146.

⁹⁸ О нем см.: *Степанов В. П.* Прокудин-Горский (Прокудин, Пракудин) М. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. К–П. С. 496–499.

женами; проходя историю отдаленную, видим тамо вашего полу спасающих города и целые области. Храбрость и неустрашимость, разум и твердость в делах и точность в намерениях. Тамо видим знаменитую Порцию, дочь Катонову, супругу Брутову. Тамо Юлию, жену Помпееву, которая умерла, увидев мужа своего окровавленную одежду. Тамо, наконец, ту препочтенную молодую римлянку, которая питала в темнице содержащегося отца молоком своим. Плутарх негде повествует о женщинах, в пространном Архипелаге живущих. Он говорит так, что чрез течение семисот лет не было тамо примечено ни в единой молодой женщине ни слабости, ни преступления. Демосфен, сей великого ума грек, описал такожде отличные таланты женщин греческих...». Вслед за этими примерами автор превозносит «добродетели и благонравие» княгини, которые «приметны» в ее жизни, «в знаниях, науках и, наконец, в обхождении общества».⁹⁹ Можно полагать, что автор выражал таким образом благодарность за помощь со стороны Варвары Александровны, которая отличалась своей щедростью.¹⁰⁰ Античные параллели придавали этой дедикации обобщающий характер, помогали утвердить общественный авторитет женщины, покровительствующей литераторам.

Некоторые посвящения женщинам представляли собой своего рода лирические этюды, а иногда и признания в любви. Чаще всего имя адресата не называлось или скрывалось за инициалами. Еще в 1769 г. Д. И. Фонвизин предпослал своему переводу повести Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Сидней и Силли» посвящение, обращенное «К госпоже...», имя которой не было названо. И по форме, и по содержанию текст этого посвящения необычен по сравнению с дедикациями знатным особам. Фонвизин писал: «Следуя воле твоей, перевел я „Сиднея“ и тебе приношу перевод мой. Что мне нужды, будут ли хвалить его другие? Лишь бы он понравился тебе.

⁹⁹ [Прокудин М. И.]. Комедия. Судьба деревенская, сочиненная в нравах деревенских жителей в трех действиях. М., 1782. С. 5–6 нум. Посвящение датировано: «1781 года, IX месяца. В Финиковой горе».

¹⁰⁰ И. М. Долгоруков, который был двоюродным племянником В. А. Шаховской, с большой благодарностью вспоминал, как она неоднократно помогала ему, его матери и сыновьям. См.: Долгоруков И. М. 1) Капище моего сердца... С. 114–115; 2) Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 565–566; Т. 2. С. 321–322.

Ты одна всю вселенную для меня составляешь».¹⁰¹ Анонимный переводчик книги «Дамоново сновидение» (1779) поместил перед текстом сочинения пылкое любовное послание, начинавшееся словами: «Красавица моя! Издавна уже посвятил я тебе мое сердце, а ныне приношу тебе в дар моих трудов перевод, на который употребил я те скучные часы, кои, разлучась с тобою, провождал в уединении». Далее автор послания вспоминал о том, как трудно было добиться взаимности со стороны красавицы, и о «минуте восхищения», «мгновении сладострастия, когда возжег в сердцах наших огонь торжествующей любви». Это нескромное признание он подпisał: «Я есмь *** переводчик».¹⁰²

Совсем иная тональность отличает посвящение А. М. Кутузова в переведенной им книге Г. В. Бериша «Путешествие добродетели...» (1782), адресованное «Ея высокоблагородию К:И:Г:К:», то есть Катерине Ильиничне Голенищевой-Кутузовой (урожденной Бибиковой, 1754–1824),¹⁰³ жене полководца М. И. Кутузова. Текст посвящения выдержан в самом почтительном тоне и в то же время проникнут чувством глубокой искренней привязанности. Автор видит в адресате очень близкого человека, которому поверяет самое важное: «Милостивая государыня! Вы знаете образ моих мыслей. Известно вам, что ни чины, ни богатство меня не прельщают. Смело сказать могу, что честь моя и совесть никогда кумирам сим не приносились в жертву. Я привык говорить согласно с чувствованиями сердца моего; и хотя точно уверен, что в нынешнем свете чистосердечие от большей части почитается глупостию и что чрез него так называемого счастья никогда достигнуть не можно; однако же при всем том охотнее соглашаюсь называться глупым, нежели льстецом. Благородная неизвестность, тихое и бесшумное состояние суть в глазах моих гораздо драгоценнее, нежели подлостью приобретенная слава и шум в прахе ползающих льстецов, почитающих не человека, но знатное состояние его. Быв в таковых расположениях, не имею нужды превозносить похвалами

¹⁰¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 417.

¹⁰² Дамоново сновидение. Переведено с французского языка. СПб., 1779. С. 3–8 ненум.

¹⁰³ Подробнее об этом посвящении см.: Кочеткова Н. Д. К истории одного литературного посвящения А. М. Кутузова // Russian Literature. 2002. Т. LII. P. 271–281.

особу мне незнаемую. Для собственного удовольствия переводил я книгу сию, для него же и подношу оную вам. Прочитав заглавие книги сей, вы найдете, что она содержит собственное путешествие ваше...». ¹⁰⁴

Карамзин обращался к любимой им женщине, Настасье Ивановне Плещеевой, в литературном посвящении второй части его альманаха «Аглая»: «Тебе, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебе, единственному другу моего сердца! Твоя нежная, великодушная святая дружба составляет всю цену и счастье моей жизни. Ты мой благодетельный Гений, Гений хранитель». ¹⁰⁵ «Другу сердца, единственному, бесценному» он поверяет тревоги и надежды, вспоминает о своей юности и дальнейших разочарованиях. Имя адресата здесь не названо, но в дружеском кругу оно было хорошо известно. Более того, через год, в 1796 г., писатель напечатал свой перевод повести А.-Л.-Ж. де Сталь «Зюльма» под названием «Мелина» с посвящением более лаконичным: «Настасье Ивановне Плещеевой в знак дружбы и почтения от переводчика». В примечании указывалось, что ей же «приписана» и книжка альманаха «Аглая». ¹⁰⁶

Тем не менее многие авторы, обращаясь с посвящениями к женщинам, называли только инициалы своих адресатов, даже если речь шла о покровительницах. Возможно, это делалось по их собственному желанию. Одни могли гордиться, увидев свое имя в печати, другие, напротив, предпочитали оставаться неузнанными: одни не хотели афишировать свои благодеяния, другие могли опасаться, что их скомпрометируют слишком откровенные любовные признания. В том же 1796 г. появился перевод трагедии Ж. Расина «Ифигения» со стихотворным «Посвящением от трудившегося в переводе», не назвавшего ни собственного имени, ни имени своей возлюбленной к которой он обращался:

¹⁰⁴ [Берши Г. В.]. Путешествие добродетели, или Странствование по свету юнаго китайского царевича с философом предводительствовавшим и научившим оного; в новейшие времена случившееся. М., 1782.

¹⁰⁵ Аглая. М., 1795. Кн. 2. С. 3 нум.

¹⁰⁶ Мелина. Перевод с французского. М., 1796. Об этом переводе и его изданиях см.: Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 168–172.

Тебе единой я сей труд мой посвящаю,
Тебе, которую душою обожаю;
Как Ифигения подобно, ты мила,
И так же, как она, приятна, весела.
<.....>
Мой рай — в твоих очах — твои любезны взгляды
К блаженству дней моих вселят мне в грудь отрады.
<.....>
Игры, веселости пребудут жребий мой.
Даруют мне твои любезны сердцу очи
Всерадостные дни, любви полны ночи.¹⁰⁷

В этом посвящении нет никаких конкретных деталей: образ женщины, которой посвящается труд переводчика, достаточно условен: она подобна героиням русской любовной лирики 1760–1770-х гг.

Наиболее необычным для XVIII в. было посвящение памяти возлюбленной в книге литератора И. Д. Ертова (1777–1828). Обращаясь к женщине, чье имя было скрыто за инициалами «Е. И.», автор превратил дедикацию в своеобразный лирический этюд. Он писал: «Любезная! Вот первая жертва, принесенная твоему великодушию! Милая душа твоя давно уже царствует в селении общей матери — где не чувствуют ни скорби, ни слез, ни вздыхания; но твой образ лежит на моем сердце — и вечно лежать будет! <...> видно, не довольно еще и тех поражений, которыми Небу угодно было испытать слабое и страждущее существо мое. — Но что делать? Мы должны быть довольными и тогда, когда Небо и во гневе <...> Да благословит Небо друзей и врагов моих, и да подаст мне мир душевный, а тебе — вечное бессмертие. Прости!»¹⁰⁸ Этот текст особенно интересен, так как предвещает развившуюся лишь позднее традицию посвящать труды памяти ушедших из жизни людей.

Как показывают приведенные примеры, дедикации женщинам в русских изданиях XVIII в. достаточно разнообразны по выбору адресата, характеру и стилю. Многие из них, как и обращения к знатным покровителям и «милостивцам», не лишены были сер-

¹⁰⁷ [Расин Ж.]. Ифигения, трагедия в пяти действиях. На российские стихи свободно предложенная с господина Расина. М., 1796. С. 3–6 нenum.

¹⁰⁸ [Ертов И. Д.]. Картина просвещения россиян. СПб., 1799. С. 5–8 нenum.

вильности. Другие отличались искренностью выраженной в них признательности за полученную помощь. В то же время похвалы женщинам-адресатам имели и свою несомненную специфику: круг прославлявшихся добродетелей отличался от тех, которые восхвалялись в панегириках государственным деятелям или чиновникам. Само появление женских имен в качестве адресатов стало важным фактором развития русской культуры XVIII в. Это знаменовало новое отношение к женщине: будь это покровительница, наставница, актриса, возлюбленная.¹⁰⁹ Обращенные к ним посвящения в печатных изданиях могли служить признанием их достоинств «пред целым светом». Такие книги читались с большим интересом и привлекали внимание большего числа читателей и, что особенно важно, читательниц.

¹⁰⁹ См. также: *Кочеткова Н. Д.* Посвящения «прекрасному полу» в русских изданиях XVIII века // *Russian Literature*. 2014. Т. LXXV. P. 321–332.